

Author: Гуртовцев Аркадий Лазаревич

Желания бессмертия - мечты и реальность

Гуртовцев А.Л.

Желания бессмертия – мечты и реальность

(Введение в книгу Гуртовцева А.Л. “Можно ли жить вечно, быть всегда молодым и здоровым? / Биолого-медико-философское исследование проблем

бессмертия, вечной молодости и здоровья человека)

Самой притягательной, заветной, желанной и вместе с тем самой фантастической мечтой людей во все времена и у всех народов была мечта жить вечно, оставаясь при этом всегда молодыми и непременно здоровыми. К какой грандиозной катастрофе для земной жизни привело бы фактическое исполнение этого “благого” желания, причем сразу и для всех живущих или ранее живших на Земле людей (только за последние 15 тыс. лет через земную жизнь прошло около 80 млрд человек), никто из ‘мечтателей” особо не задумывался.

Смерть всегда рассматривалась людьми как неизбежное и абсолютное зло для всех и каждого, хотя некоторые мудрецы и старались разглядеть в ней другую, противоположную, положительную, созидательную, конструктивную сторону. Достаточно представить себе, сколько бы тиранов и злодеев, уничтоживших в свое время ради личного господства тысячи, десятки тысяч невинных людей, продолжили бы жить на земле и творить свое черное дело, если бы их не остановила естественная

или насильственная смерть. “Смерть тиранам!” – призыв, который в гуще исторических событий неоднократно звучал из уст обездоленных и отчаявшихся людей. Недаром итал. писатель-романтик Алессандро Мандзони (1785-1873) осмелился назвать смерть “великим миротворцем” (вслед за ним эту глубокую мысль повторили К.Маркс и другие мыслители).

Нынешние поколения людей также продолжают тешить себя мифической надеждой на бессмертие, причем, если не собственной жизни – здесь и сейчас, то, по меньшей мере, для своих ближайших или отдаленных потомков. По поводу всеобщей жажды бессмертия известный амер. военный, юрист и публицист Роберт Ингерсолл (1833-1899) остроумно заметил: “Единственное известное мне доказательство бессмертия заключается в том, что, во-первых, этому нет никаких доказательств, и, во-вторых, что такое положение дел нас решительно не устраивает”. Наиболее нетерпеливые и решительные современники, безоглядно веря в будущий неограниченный прогресс науки в вопросах восстановления молодости и достижения бессмертия (как для живых или находящихся в анабиозе, так и для уже ранее умерших организмов), завещают хоронить себя не в сырой земле-матушке (и тем более не сжигать в крематории свое брэнное тело до уровня атомов и молекул), а размещать, несмотря на большие финансовые затраты, свой труп или его генетически пригодные части, в криогенераторах.

Эти отчаянные мечтатели полагают, что когда-то, в грядущих десятилетиях или веках, они смогут вновь возродиться к жизни в своем теле или, по меньшей мере, восстать “как феникс из пепла” из собственных ДНК благодаря усилиям будущих гениальных

ученых и инженеров (следует знать, что из ДНК генетика может восстановить лишь организм данного вида, но никак не личность с ее прожитой жизнью, накопленным опытом, полученными знаниями, испытанными чувствами и сохранившимися воспоминаниями). Такая твердая вера во всемогущество человеческого разума и его безграничные возможности, конечно же, похвальна и впечатляет, хотя во многом она близка той религиозной вере, которая пытается вот уже тысячелетия подряд убеждать всех и каждого в бессмертии души, существовании загробного царства и даже воскрешении умерших при втором пришествии Спасителя. По этому поводу тот же Ингерсолл тонко подчеркнул: “Наша надежда на бессмертие не порождена ни одной из существующих религий; наоборот, почти все религии порождены этой надеждой”.

Вместе с тем, мечтателям вечной жизни могут придать надежды те некоторые опыты по оживлению низших типов организмов (бактерии, нематоды, тихоходки), находившихся длительное время, иногда десятки, сотни и даже тысячи или миллионы лет в состоянии криобиоза, которые действительно оказались успешными. Но, к сожалению, эволюционное развитие человека как высшего биологического представителя рода Гомо семейства гоминидов отряда приматов класса млекопитающих настолько далеко ушло вперед в своей морфологической и физиологической организации по отношению к далеким примитивным предкам высших позвоночных животных, что оживление человеческого организма после его окончательной смерти и/или длительного криобиоза выходит за пределы даже потенциальных возможностей науки (в ноябре 2019 г. испанским врачам удалось успешно оживить замерзшее в горах и сильно

переохлажденное тело 34-летней британки, которое имело температуру +180С вместо положенной +360С и в котором сердце остановилось за 6,5 часов до реанимационных мероприятий, что стало мировым медицинским рекордом по срокам оживления человека, находившегося в состоянии глубокой гипотермии).

Возвращаясь к историческому аспекту проблемы бессмертия, следует подчеркнуть, что больше всех о бессмертии мечтали правители земных народов – фараоны, цари и императоры, которые, обладая несметными богатствами и безмерной властью над миром, сами становились бессильными, подобно простолюдинам, перед грозным ликом медленно надвигавшейся смерти. Недаром еще в незапамятные времена родилась утешающая всех обиженных, угнетенных и обездоленных людей поговорка “Перед смертью все равны”. Она, смерть, хоть в чем-то уравнила одних, несчастных и менее удачливых людей с их более благополучными и счастливыми противниками (франц. писатель-моралист Жан де Лабрюйер, 1645-1696, отмечал с сарказмом, что “если бы одни из нас умирали, а другие нет, умирать было бы крайне досадно”). Действительно, смерть неумолимо подводит свою роковую черту для всех живущих организмов, независимо от их принадлежности к тому или иному природному царству (археи, бактерии, грибы, растения, животные), уровню и типу развития организмов (низшие и высшие, беспозвоночные и позвоночные), их видам (распределены по классам, отрядам, родам и семействам), а для человека – независимо от его расы, этноса, национальности, веры, идеалов, языка, образа жизни, физических, умственных, социальных, имущественных и других различий.

Подтверждая в очередной раз эту расхожую истину, прославленный перс. поэт Абулькасим Фирдуоси (935-1020) уточнял в своей эпической поэме “Шахнаме ”: “Все равно во вселенной смерть грозит, И шаха и раба она разит”. С этим бейтом (двустушием) своего предшественника соглашался и другой знаменитый перс. поэт-ученый Омар Хайям (1048-1112): “Будь падишахом ты иль нищим на базаре, Цена тебе одна: для смерти санов нет”. Римский писатель-философ, воспитатель императора Нерона Луций Анней Сенека (Сенека-младший; 4 до н.э. – 65 н.э.), продолжая эту тему, глубокомысленно разъяснял: “Вечного нет ничего...Смерть предстоит всему: она – закон, а не кара”, а нем. писатель-поэт-ученый Иоганн Гете (1749-1832), уточняя психологический аспект смерти, резюмировал: “Смерти можно бояться или не бояться – придет она неизбежно” (любопытно, что Сенека-младший полагал, что “смерть мудреца есть смерть без страха смерти”, что, видимо, справедливо, особенно если вспомнить о смертном часе многих великих и отважных людей, проявивших мужество и твердость духа).

“Богopodobные” владыки и правители народов, оглядываясь назад в последний миг своей беспокойной жизни, возможно, начинали осознавать на фоне открывавшейся им бездны небытия (“Всех ждет небытие” – говорил поэт) всю ничтожность своих прошлых “великих” побед, достижений и заслуг. Эту душевную безысходность от неизбежного завершения процесса жизни лучше всех, пожалуй, отразил в своем рубаи (четверостишии) тот же Омар Хайям:

“Мы уйдем без следа – ни имен, ни примет.

Этот мир простоят еще тысячи лет.

Нас и раньше тут не было - после не будет.

Ни ущерба, ни пользы от этого нет”.

Реальный мир ежесекундно и на протяжении тысячелетий убеждал разум человека не в возможности достижения бессмертия (хотя мифологическое мышление постоянно и безрассудно к нему стремилось и даже руководило поисками “эликсира бессмертия”), а в обратном - в неизбежной и закономерной смерти, гибели, распаде не только живых организмов, но и всех других земных и небесных объектов. До поры до времени эталоном вечности для людей оставались далекие звезды. Но, и их “бессмертие” оказалось на поверку очередной иллюзией: звезды “рождаются”, “стареют” и “умирают”, хотя их “век” и дольше человеческого в миллионы раз (“век” звезды, длящийся от миллионов до миллиардов лет, зависит от ее массы: чем она больше, тем короче “звездная жизнь”, т.е. тем скорее звезда “сгорает”, сбрасывая при своем “предсмертном” взрыве внешнюю плазменно-газовую оболочку и превращаясь в “белого карлика”, “нейтронную звезду” или “черную дыру”). Гибель звезд в виде взрывов новых или сверхновых способствует распространению в космосе тяжелых химических элементов, которые становятся основой нового поколения звезд, их землистых планет и живых организмов, зарождающихся и эволюционирующих в водных средах этих новорожденных планет.

Иными словами, в природе повсеместно, и это подтверждают не только звезды, но и любые другие материальные образования Вселенной, действует всеобщий закон - гибель одних тел способствует рождению других. Впервые проявления этого закона

отметили древнегреческие натурфилософы (Анаксимандр, 7-6 вв. до н.э.: “А из каких вещам рожденье, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности ...”; Демокрит, 5-4 вв. до н.э.: “Из ничего ничего не может возникнуть и ни одна вещь не может превратиться в ничто...все, что возникает, должно погибнуть...как есть у мира рождение, так и рост, и гибель, и уничтожение в силу некоторой необходимости...”), а Аристотель (384-322 до н.э.) обобщил их наблюдения: “Уничтожение одного есть возникновение другого и возникновение одного – уничтожение другого”. Этот глубочайший вывод постепенно распространился и утвердился в среде образованных людей. Так, например, римский поэт Гораций (65 - 8 до н.э.) отмечал, что “многое может возродиться из того, что уже умерло”, а франц. энтомолог Жан Фабр (1823-1913), исследуя природу, в частности жизнь насекомых, по-своему сформулировал это положение через много веков после Горация: “Все кончается, дабы все возобновлялось, все умирает, дабы все жило”.

Несмотря на факты, человек не мог и до сих пор не может смириться с кратким, мимолетным, временным характером своего земного существования. Мысли об этом тяготят сознание почти каждого взрослого и особенно стареющего, приближающегося к смерти индивида, но наиболее емко и образно об этом говорят философы и поэты: Омар Хайям: “Жизнь – ни мало, ни много – мгновенье одно!...Мы - незваные гости, пришли мы на краткое время, Вслед кому-то пришли мы, пред кем-то уйдем чередой... Люди тлеют в могилах, ничем становясь. Распадается атомов тесная связь...Мудрецы, что дряхлеют, юнцы, что цветут, - По желанью никто не задержится тут, Вечный мир никому не дается навечно!

Наши деды прошли, наши внуки пройдут”; Сергей Есенин: “Только гость я, гость случайный На горах твоих, земля!...Под низким траурным забором Лежать придется также мне”; Александр Пушкин: “Мы все сойдем под вечны своды – И чей-нибудь уж близок час”; Марина Цветаева: “Уж сколько их упало в эту бездну, Разверзтую вдали! Настанет день, когда и я исчезну С поверхности земли...Послушайте! Еще меня любите За то, что я умру”; Николай Рубцов: “Я умру в крещенские морозы, Я умру, когда трещат березы...Я не верю вечности покоя!”.

Понимая разумом, но вопреки чувствам, что индивидуальная, материальная, земная жизнь всегда конечна, люди продолжают мечтать о вечности хотя бы в виде “вечной памяти” потомков. Первый китайский философ-даос Лао-Цзы (6 в. до н.э.) утверждал: “Кто умер, но не забыт, тот бессмертен”. Ему вторили через сотни веков перс. поэт-странник Муслимхаддин Саади (1210-1292): “И добрые и злые – все умрут, Так лучше пусть добром нас помянут” и современник Саади перс. поэт-суфий Джалаладдин Руми (1207-1273): “Когда мы мертвы, не ищите нашу могилу в земле, а найдите ее в сердцах людей”.

Уже в 20-м столетии франц. писатель Эмилио Анрио (1889-1961) подвел рациональную черту бессмертию памяти: “Мертвые живы, пока есть живые, чтобы о них вспоминать”, хотя англ. этнолог-культуролог Эдвард Тайлор (1832-1917), усиливая скептицизм разума, бесстрастно отмечал, что “память о лице едва сохраняется лишь до третьего или четвертого поколения...” (и действительно, многие ли из нас хоть что-то помнят о своих прадедах?). Видимо, именно поэтому, не надеясь на живую память поколений (хотя до возникновения письменности устная память была главным

средством накопления и передачи информации между ними), люди пытаются увековечить имена своих выдающихся деятелей настоящего и прошлого в монументах из камня и металла или, по меньшей мере, в литературных памятниках.

Еще тысячи лет назад человечество перенесло несбывшуюся мечту о своем вечном существовании в вымышленный, воображаемый, виртуальный, сказочный, потусторонний, мифологический, религиозный мир. Не религия и не мифология дали человеку идею бессмертия, но он сам вложил ее в свои мифологические и религиозные фантазии. Сначала (если не рассматривать более ранние формы мистических верований, включая анимизм, тотемизм и культ усопших предков) люди “снабдили вечной жизнью” своих антропоморфных богов, а затем, предварительно поделив человека в своем мышлении на бренное, физическое, тленное тело и некую невидимую, бесплотную, бессмертную душу, перенесли “посмертное бессмертие души” и на своих правителей.

Египетские жрецы, сохранявшие мумии фараонов и их приближенных в гробницах и пирамидах, говорили: “Мумии – земле, а души – небу”. Вместе с тем, египтяне верили, что у богов и царей есть по несколько душ, например, у бога Ра – 14, и некоторые из них, в частности Ка или Ба, обитая в скульптуре бога, в теле мумии или в ее более надежном и вечном дубликате (например, в каменной портретной статуе умершего фараона), могли наблюдать за земной жизнью и даже якобы питаться подношениями верующих. Любопытно, что древние расхитители египетских барельефов и статуй, этих “священных” сосудов для хранения той или иной части души бога или покойного властителя, обязательно

разбивали у изображения нос или какой-то другой мелкий орган, чтобы оградить себя от преследования духа украденного идола, поскольку считалось, что дух не может обитать в дефектном артефакте.

Со временем, служители богов и царей милостиво “предоставили” индивидуальные бессмертные души и всем простым смертным, независимо от их должностей и званий. Но, если древние египтяне полагали, что главные души фараонов становятся звездами и путешествуют вокруг Земли по небесному своду вместе с другими светилами (Солнцем, Луной, планетами), то служители культов более поздних эпох стали отправлять души простых смертных то в рай, а то в ад или по другим неизвестным и таинственным мировым направлениям-местам, из которых уже никто и никогда больше не появлялся на земном горизонте (Омар Хайям: “Возвратившихся нет из загробного мира, У кого бы мне справиться: как там дела?”). Впрочем, буддисты веруют в то, что души возвращаются с небес на землю и скрыто поселяются в избранных физических телах новорожденного поколения людей (этот процесс наука о мифологии называет реинкарнацией или метемпсихозом – повторным воплощением или переселением душ).

Ну, что ж, “Блажен, кто верует, тепло ему на свете!”. Верить не запретишь, но исторический опыт убеждает, что религиозная вера, в отличие от научной веры, основанной не на мифах, догмах, предрассудках и субъективных переживаниях, а на экспериментально подтверждаемых, постоянно перепроверяемых и непрерывно дополняемых научных знаниях, всегда была и остается очень шатким, ненадежным, сомнительным, иллюзорным и далеким от истины бытия основанием.

Минск, 16 марта 2021 г.

PAGE 5